

Рассказы и рисунки

Просторы публикуют четыре рассказа и ряд рисунков из наследия Павла Зальцмана (1912-1985). Краткое послесловие к этой публикации написала Татьяна Баскакова, редактор и комментатор готовящегося к выходу романа Зальцмана «Средняя Азия в Средние Века».

Павел Зальцман – живший и работавший в Ленинграде и Алма-Ате художник, писатель, наиболее значимые произведения которого были изданы и продолжают издаваться лишь в последние годы. Одновременно и оценённый и неслышанный, его голос являет собой новое свидетельство уничтоженного репрессиями литературного мира обэриутов. Их понимание реального искусства сопрягается в работах и текстах Зальцмана с идеями аналитического искусства художника Павла Филонова (1883-1941), учеником и последователем которого Павел Зальцман оставался всю жизнь.

Практически всю свою прозу и большую часть художественных работ Павел Зальцман создавал, не надеясь когда-либо увидеть их опубликованными или выставленными.

Просторы продолжают этой публикацией направление работы редакции, связанное с практикой повторного прочтения изданных и забытых произведений, ищущих отклик в современной истории и актуальном художественном процессе.

Рассказы и рисунки предоставлены семьёй художника.

Е. Белорусец

Галоши

В этот день Иван Кузьмич вышел из дому в отличном настроении. Дышалось вольно и легко. Весеннее солнце играло в просторных витринах. Он как раз проходил мимо центрального универмага и решил побаловать себя покупкой новых галош.

Он зашел в универмаг и купил случившиеся тогда новые галоши. Выйдя, он еще раз полюбовался на покупку, которую нес в руках и в которой тоже играло солнце.

Бумаги же в универмаге не случилось, и он нес галоши просто так. Увидев газетный киоск, он решил завернуть галоши в газету. И он купил газету.

А весеннее солнце сверкало так невозбранно и тротуары так уже подсохли, что вдруг Ивану Кузьмичу пришла мысль надеть эти новые галоши, а в газету завернуть старые.

И он это сделал.

Завернувши свои черные галоши в газету, он отошел от киоска и пошел дальше. Рядом с ним

шагал гражданин пропорционального сложения. Пройдя еще немного, он слегка повернул к Ивану Кузьмичу свой твердый профиль и сказал:

– Гражданин, пройдемте со мной.

Иван Кузьмич как шел, так и продолжал шагать прямо туда, куда вел его этот гражданин. Не успевши изменить ни походки, ни выражения лица, Иван Кузьмич держал свой пакет дрожащей рукой.

– А кто вы такой? – тихо выговорил он, хотя понимал бессмысленность вопроса.

– Я гаврик, – ответил тот.

– Ага, – сказал Иван Кузьмич, – вот оно что!

Гаврик довел его до машины. Откуда появилась эта машина? Бог ее знает. Улица казалась вся в больших черных пятнах, и машина появилась из такого пятна. Ивану Кузьмичу почудилось, что как будто этот успел задержать ее и даже высадить из нее каких-то граждан. Но точно он не мог разглядеть, так как пятна мешали.

Через пять минут оба они уже поднимались на этаж, пройдя мимо сотрудника учреждения, сидевшего у входа за столиком. Они прошли в комнату № 143.

– Примите задержанного, – обратился гаврик к сотруднику учреждения, сидящему за столом в этой комнате.

Тот спросил у Ивана Кузьмича: «Фамилия? Имя? Отчество? Год рождения? Где проживаете? Ну, адрес!», записал, затем вытащил из ящика две квитанции и, наклонившись твердым профилем к одной из них, расписался, а другую протянул сопровождающему гаврику. Тот тоже расписался.

– В чем обвиняетесь? – спросил этот, сидевший за столом, у Ивана Кузьмича.

– Не знаю, – ответил Иван Кузьмич, чувствуя, что говорит не то, что надо.

– Ну, все-таки? – продолжал следователь, – не догадываетесь?

– Я догадываюсь, – смущаясь и нервничая, отвечал Иван Кузьмич. Уже повернувшийся уходить гаврик сказал: «Да вот!» – и указал на сверток.

– Что это? – спросил следователь. Он взял сверток и развернул, Тут он задержался и некоторое время молчал. Затем стал старательно что-то выписывать в графы, заполняя четыре специальные формы.

– Вот, возьмите, – обратился он к Ивану Кузьмичу, протягивая два листика. – Пройдите в комнату двести три, там обратитесь к капитану Федченко. Можете идти.

Иван Кузьмич, держа два врученных ему листика спецформы, каким-то строевым шагом

вышел в коридор и пошел разыскивать комнату 203. Проходя мимо одного из окон, он остановился и попытался прочесть дрожавшие листки, но ничего не понял, так как все прыгало. Все-таки в конце он разобрал резолюцию: «На основании статьи о нарушениях 375, параграф 42-б, приговаривается к высшей мере исправления. О исполнении доложить». И подпись: майор Родченко.

Несколько помявшись, Иван Кузьмич медленно направился обратно и, несколько раз прикоснувшись к дверной ручке комнаты 143, толкнул ее и проник в эту комнату.

– Товарищ майор, – начал он.

– Я вам не товарищ, – оборвал его Родченко.

– Гражданин начальник, – поправился Иван Кузьмич, – я хотел узнать, почему такая резолюция?

– Вы что, маленький, – спросил Родченко, – не понимаете?

– Не понимаю, – сокрушенно ответил Иван Кузьмич.

– А это что? – указал Родченко на еще не убранный развернутый пакет с галошами.

– Галоши, – сказал Иван Кузьмич.

– Так, галоши. А это что?

И тут Иван Кузьмич заметил, что в газете, как раз под левым задником одной из галош... портрет... портрет... и этот портрет даже сильно испачкан уличной грязью.

– Что же теперь делать? – вырвалось у оторопевшего Ивана Кузьмича, и он невольно перевел глаза на большой портрет, помещавшийся над письменным столом Родченко.

– Я же вам сказал, – произнес майор, отворачиваясь от него, – пройдите в комнату двести три к капитану...

– Федченко? – переспросил Иван Кузьмич.

– Да, Федченко, – твердо сказал Родченко. – Там вам все укажут, что делать дальше.

– Но почему так? – еще не соглашался Иван Кузьмич.

С нетерпением Родченко указал на толстую раскрытую книгу. «Статья 375 о нарушениях», – прочитал Иван Кузьмич. «Параграф 42-а: завертывание галош в портреты вождя в чистом виде – 25 лет, параграф 42-б: завертывание галош в портреты вождя в грязном виде – высшая мера исправления».

– Ну? Ясно?

– Теперь ясно, – согласился Иван Кузьмич. – Разрешите быть свободным?

– То есть как свободным?... А-А! Ну да.

Иван Кузьмич вышел и маршевым шагом прошел в комнату 203. Он передал что надо капитану Федченко. Тот тщательно просмотрел два листка протокола.

– Гм... – сказал он как бы про себя. – Сейчас... – и начал медленно и старательно писать.

– Вот, – обратился он наконец к Ивану Кузьмичу. – Поскольку у вас высшая мера исправления через отравление, вы тут спуститесь в корпус В, склад номер четыре, к завхозу-ординатору Скрипченко. Он вам выдаст индивидуальный пакет, укажет, как им пользоваться, и составит акт на списание. Пишите расписку.

Иван Кузьмич расписался. Федченко тоже расписался. Иван Кузьмич спустился в корпус В.

В коридоре перед дверью склада № 4 стояла пара деревянных скамеек и на них сидело несколько человек в разных позах. Все молчали.

– Кто здесь крайний? – спросил Иван Кузьмич. – Тут все к Скрипченко?

– Да, к нему. Только он велел сказать, чтоб больше очереди не занимали, прием кончился.

– Ну, может, все-таки примет? – с надеждой спросил Иван Кузьмич.

– Кто его знает, сейчас обеденный перерыв.

– А когда у них заканчивается прием?

– В три часа.

– Ага! В три часа! Так сейчас еще двенадцати нет. Может, подождать?

– Ну, как хотите, дело хозяйское.

Иван Кузьмич присел и начал ожидать. Один из сидящих внезапно встал, махнул рукой и вышел. Но Иван Кузьмич, как будто оцепенев, ожидал. Иногда, от нечего делать, он оглядывал соседей. На его счастье, в кармане нашлась пачка «Беломора», и он отходил в конец коридора и там курил. А потом опять присаживался на скамью.

Вдруг, часа через полтора он поднялся и прямо прошел в дверь склада № 4. И произошло это так неожиданно, даже для него самого, что сидевшие на скамьях не успели его задержать.

Склад был неприветливым, длинным и узким помещением. Окон здесь не было совсем, вдоль обеих стен тянулись стеллажи. «Для индивидуальных пакетов», – сообразил Иван Кузьмич. Однако стеллажи были пустые. Сам, видимо Скрипченко, говорил по телефону и как раз вешал трубку.

– Вам чего? – обратился он к Ивану Кузьмичу. Тот протянул ему направление, выданное Федченко. Скрипченко недружелюбно взглянул на него и снова снял трубку. Разговор был не очень понятный.

– А так, что не могу! – сказал кому-то Скрипченко. – Не могу, товарищ капитан... А потому, что нету! Да, так и нету. Куда девал? А что, я их сам, что ли, потребляю?... Если будет распоряжение, то и потреблю... Нет, не поступали. Наверное, на центральном. Там всегда задерживают... Так точно, уже звонил. Там занято... Да, не могу.

«Как бы он меня не выгнал в очередь», – тоскливо подумал Иван Кузьмич. Скрипченко повесил трубку и снова снял ее. Набрал номер. Видимо, было занято; он с досадой повесил трубку. Опять набрал... Повесил... Опять набрал. Повесил... Он уселся и минуты две о чем-то думал, опустив голову.

Иван Кузьмич стоял и ждал. Скрипченко вновь набрал номер. Кажется, дозвонился.

– Центральный? – закричал он в трубку. – Говорят из склада четыре-ве. Лейтенант Скрипченко. Дайте завскладом... Товарищ Храпченко? Что ж ты, Храпченко, тут волокитой занимаешься? Где пакеты?... Расходуем?... Ну, это не нам с тобой, Терентий Федотыч, решать!... Какой расстрел? Ты что? Почитай инструкцию! Эдак мы в два дня без боеприпасов останемся!... Да что ты мне рассказываешь? Ты дело говори! Где пакеты? Что посылал?... Три дня уже не получали... Как? При чем тут гараж? Какие профилактики? Ой, ну что ты мне голову дуришь!... Куда забрали? В колхоз забрали? Так сколько у вас забрали из двенадцати машин?... Скаты? Так что, я должен тебе еще скаты доставать?... Запчастей? Нет у меня запчастей! Ты чего мне душу тянешь! Приходят тут от Федченко, требуют, душу вынимают... Ну а мне что делать?... А я тоже не могу их держать... Да, так я их к тебе посылать буду!... Ничего не сдурел. Сам раздавай... А как хочешь!... Ну и пиши, я твоего рапорта не испугался!

Скрипченко со злостью хлопнул трубкой и, вынув из стола пачку желтых бланков, взял один из них и начал заполнять. «Акт на списание», издали прочитал Иван Кузьмич. «На основании решения... приговаривается...» И в конце: «Приговор приведен в исполнение».

– Вот с этим пройдете по этому адресу, – сказал Скрипченко. – Склад номер шестнадцать, к лейтенанту Храпченко. Там вам отпустят. Можете идти.

Иван Кузьмич мялся с бумагой в руке. Как-то не хотелось сразу покидать Скрипченко, но тот отвернулся и, склонив голову набок, нагнулся к нижнему ящику стола, а потом и совсем исчез из глаз.

– Разрешите быть свободным? – неуверенно спросил Иван Кузьмич и, так как Скрипченко

молчал, он тихонько вышел.

– Вот пройда! – сказал кто-то из сидевших на скамейке. – Влез-таки без очереди! – Но озабоченный Иван Кузьмич не стал отвечать на это. Он торопился явиться по указанному адресу.

Однако ехать нужно было на самый край города. Тут поперек шоссе проходила железнодорожная ветка, заросшая пыльной травой, а дальше вдоль шоссе располагалось городское кладбище.

– Гм... – подумал Иван Кузьмич.

Склад находился на правой стороне шоссе, почти у самого шлагбаума. По верху примыкавшей к нему длинной стены шло два деликатных рядка обвисшей колючей проволоки, однако широкий вход во двор был открыт. Людей не было. Во дворе стояло несколько побитых грузовых машин-полуторок, все с неполным комплектом колес. И ходила маленькая черная собачка. Она слегка откинулась для удобства на задние лапы и стала лаять. Морда у нее была худая, рыжеватая и глаза гнойные.

– Эх ты, неухоженная, – озабоченно подумал Иван Кузьмич и прошел мимо. А собачка отпрыгнула.

Из-за угла одноэтажного корпуса вышел пожилой человек. «Сторож, – с тревогой подумал Иван Кузьмич. – Нехорошо...»

– Тебе чего? – недовольно спросил сторож.

– Начальство где тут?

– Никого нет, – сказал сторож, – у нас закрыто.

– Как? – спросил Иван Кузьмич.

– Уехали все в колхоз на субботник.

– А как же начальник? – не унимался Иван Кузьмич. – Мне к товарищу Храпченко.

– А товарищ Храпченко на автобазу поехал. Никого нет.

Иван Кузьмич уныло вышел со двора и отправился домой. Не верил он всей этой процедуре. Он разобрался, что со стороны Скрипченко направление его к Храпченко было сплошной авантюрой. И что Храпченко, ведавший снабжением отдельных спецскладов и снабжавший их по общим накладным, никакого отдельного индивидуального пакета ему не выдаст, так как оформить такую единичную выдачу из подотчетных фондов никак невозможно. И значит, ему, Ивану Кузьмичу, завтра предстоит, во-первых, отыскать товарища Храпченко, который его, конечно, прогонит, а во-вторых, опять явиться к Скрипченко, сидеть в очереди, а потом Скрипченко начнет ссылаться на то, что пакетов у него нет, и бог знает, когда все эти

мытарства кончатся.

А сейчас ехать было совершенно бессмысленно, поскольку прием у Скрипченко заканчивался в три, а за всеми этими хлопотами день уже клонился к вечеру. Оставалось только возвращаться домой.

На другой день Иван Кузьмич поднялся ни свет ни заря и, даже не прослушав по радио «Пионерскую зорьку» и утренние сообщения, поехал на центральный склад, чтобы не упустить товарища Храпченко.

Улица была залита солнцем. Здесь, за городом, воздух был особенно чистым. Откуда-то издалека раздавались звуки громкоговорителя. Передавали какие-то сообщения.

Во дворе склада опять было пусто. Собачка появилась, но вела себя как-то странно. Хвост у нее был туго поджат, спина согнута, а в глазах стояли слезы. Иван Кузьмич обошел ее бочком, и тут навстречу ему вышел сторож.

– Ну, чего тебе опять? – сухо спросил он.

– Да вот... – сказал Иван Кузьмич. – Помог бы ты мне, папаша. Товарищ Скрипченко послал меня к товарищу Храпченко. Пакет надо получить.

– Да ты што! – замахал на него рукой сторож. – Сейчас тут не до тебя! Сейчас у нас общее собрание. Поезжай, милый человек, обратно.

Иван Кузьмич поехал. Предъявив направление и пройдя мимо работника за столиком у входа, он, уже легко ориентируясь, спустился в корпус В. В коридоре почему-то никого не было. А у самых дверей склада № 4 Иван Кузьмич столкнулся со Скрипченко, который как раз выходил оттуда.

– Это что? – сказал Скрипченко, задерживаясь на ходу и просматривая свое направление. – Акт о списании не подписан? Так вы еще живы?.. Ну, тогда пройдите с этим в комнату сто сорок три к майору Родченко. – И он быстрым шагом удалился.

Иван Кузьмич направился в комнату 143.

– Разрешите войти? – спросил он, приоткрывая дверь.

– Входите, входите, – сказал Родченко, отрываясь от каких-то бумаг. – Вам чего надо?.. Ага, – произнес он, пробежав глазами направление, – помню. И что же? Вам вчера не удалось оформиться? Так-с. Ну а теперь уже ничего нельзя сделать... – он развел руками. Так вы что, за галошами пришли? – спросил он внезапно.

– То есть как? – изумился Иван Кузьмич.

– Конечно, – продолжал майор, – мы могли бы привлечь вас за хранение запрещенной литературы... Но это могло бы иметь место, если бы газета была засунута в галоши, а не

наоборот...

Иван Кузьмич шатался. Ему казалось, что комната ползет вокруг него, казалось, что вообще она стала какой-то другой... И действительно, когда он поднял глаза, с испугом ища в наступивших сумерках света, он увидел, что над столом майора Родченко, на том месте, где висел портрет, теперь было пусто.

Тут его качнуло. Он почувствовал сотрясение, как будто его ударил гром, и на глазах его выступили слезы. Пока он тяжело переводил дух, Родченко сказал, протягивая ему пропуск на выход:

– Ваши галоши вы можете получить в корпусе Д на складе восемь. Можете быть свободны.

Пошатываясь и совершенно произвольно, Иван Кузьмич пошел отыскивать корпус Д. Коридор, в который он попал, был тускло освещен, скамеек у двери с номером 8 не было и вокруг сильно пахло карболкой. Он тихонько постучал.

– Войдите, – слышалось из-за двери. Он приоткрыл ее и увидел складское помещение. Вдоль стен тянулись длинные стеллажи, и они были сплошь заставлены галошами. Иван Кузьмич трясущейся рукой прикрыл дверь и стал быстро уходить.

Сон. Первая запись – 1961 г., окончено 12 ноября 1975 г.

Спецхран

В публичной библиотеке большого города N разыгрался вот какой драматический эпизод, хотя и с благополучной развязкой. Директор библиотеки – это была знакомая мне Вера Степановна М., к тому времени уже носившая Знак Учета, – получила предложение создать спецхран и выделить туда соответствующую этому литературу. Она создала бригаду для выделения и сама проруководила и заперла это дело на замок.

Однако следовало назначить хранителя, поскольку это было хранилище. Но, разумеется, посадить туда того, другого или третьего работника было невозможно, так как там создавалась атмосфера не только не здоровая, но и просто опасная для ума каждого грамотного человека. Как будто нарочно там на полках стояли рядом Шпенглер, Шницлер,

Шопенгауэр и примкнувший к ним Шутилов, и так далее, и тому подобное.

Поэтому было решено найти работника неграмотного, чтобы все это его не коснулось. Но в том-то и дело, что найти неграмотного работника при всеобщей поголовной грамотности было делом невероятным. После долгих консультаций с домработницей министра просвещения Л. самая шустрая сотрудница библиотеки была откомандирована на периферию. И вот она, выполнив задание, вернулась и привезла старую бабку, которую отыскала где-то на пасеке в далеких горах Алтая. Бабка, воспитанная и взращенная исключительно на пчелином меду, сохранила всю чистоту и нетронутость простой природы, и после получасового разговора с ней директорша Вера Степановна положительно убедилась, что ей не страшны никакие подвохи и соблазны спецхрана, будь то хоть Шницлер, хоть Шпенглер, хоть кто. И вот бабка была посажена на работу и проводила время в помещении спецхрана, не тревожимая никем, изготавливая там зимой вареники на продажу, которую осуществляла на барахолке по воскресеньям самолично, а летом – либо дремля, либо, может быть, мечтая о медвяном запахе алтайских лугов.

Впрочем, точно это было неизвестно, так как никто не имел, естественно, права входа в спецхран и даже близкого общения с этой в какой-то степени зачумленной бабкой. Имела право только сама директорша, но и она не переступала порога, а в случае необходимости вела с бабкой деловые разговоры, стоя за порогом по эту сторону. Таким образом все установилось и приобрело точные очертания, формы и контуры.

И вдруг разразилось событие или, вернее, целый ряд событий, который все нарушил и все перевернул. Впрочем, как было заявлено с самого начала, развязка оказалась в общем благополучной. Неожиданной, но благополучной.

Однажды к зданию библиотеки подъехала машина «Обь» и из нее вышел человек. Пройдя в кабинет директорши, он оказался крупным и прибывшим издалека научным работником, готовящимся к защите докторской диссертации на такую сложную тему о методологии социально типического в структурах кооперативных организаций или как-то еще иначе, что директорша, женщина решительная и к тому времени носившая уже ежедневно Знак Учета, все-таки не могла высказать ему ничего ободряющего по его работе, а только молча качала головой, выражая согласие и сочувствие.

Научный работник предъявил при этом категорическую рекомендацию допустить его в спецхран библиотеки и предоставить ему все хранящиеся там учебные пособия. При этом научный работник вынул список, где были обозначены необходимые ему издания, и протянул его директорше с тем, чтобы ему доставили их для работы на дому.

Директорша заметалась. Сама она никак не хотела входить в спецхран и тем более пускать туда не тронутых ничем таких сотрудников. Бабка же, как известно, в своей невинности никак не могла ни найти указанных пособий, ни даже прочесть их названия, крупно выписанные на врученном директорше листке. Директорша, конечно, ринулась по направлению к спецхрану, демонстрируя свою готовность служить отечественной науке,

однако не знала, что делать.

Тут, когда она проходила мимо уборной в полуподвальном этаже, за которой в самой глубине коридора, занятого стеллажами, и находился спецхран, ее вдруг осенила мысль или, что ли, план, который она, женщина, как уже сказано, решительная, тут же на ходу и стала выполнять. А именно кликнула своих, подвернувшихся на этот случай сотрудниц, трех девочек, имена которых в последующей суете позабылись, и одну даму, недавно приехавшую откуда-то из Монако не то из Марокко и ведавшую иностранным отделом, который помещался тут же рядом в этом полуподвальном этаже.

Сотрудницы тотчас сбежались. Все вместе они подошли к двери спецхрана, за которой скрывалась бабка, и стали стучать. Удивленная бабка предстала за порогом.

– Берите ее! – приказала директорша.

Бабку взяли... Надо сказать, все дальнейшие события носят несколько психологический характер и вряд ли могут быть понятны досужим читателям без учета личных особенностей и административного темперамента директорши Клавдии Степановны. Прежде всего, считая твердость линии главным моментом в вопросах руководства, она требовала неукоснительного исполнения своих приказов. Во-вторых, как человек в полном смысле ответственный, подводила под любое неисполнение натуральную идейную базу. В-третьих, как всякий боевитый администратор, не любила лишних объяснений.

– Прячьте ее, – сказала директорша и побежала наверх к гостю. Бабку же, которую взяли, оставила на руках у трех сотрудниц и полуподвальной дамы из Бенилюкса. Девочки, очень растерянные, крепко держали пойманную бабку, а и без того перепуганная дама по имени Варвара Львовна кричала им:

– Да прячьте же ее, прячьте!

– Куда? – спрашивали девочки.

Варвара Львовна, подавленная свалившейся на нее ответственностью и не привыкшая там у себя в Бенефиксе к решительным действиям, беспомощно оглянулась и сказала:

– Сюда.

Справа, в одном из стеллажей имелось незанятое место, куда на глаз, при имевшей место некоторой темноте полуподвального коридора, можно было засунуть не очень плотного человека. Бабка же, правда созревшая на алтайском меду, отличалась суховатым и хрупким телосложением. Девочки подхватили бабку и засунули ее в стеллаж. Потом одна из них указала на собрание сочинений Анри Сарагона, находившееся выше. Все три девочки быстро заставили бабку пятьюдесятью тремя томами сочинений этого выдающегося поэта, совершенно не беспокоясь о его перемещении, так как в библиотеке было пять полных сочинений этого Анри Сарагона. Два в читальном зале, одно в межбибе, одно в подручной и одно в кабинете директора. Это же, шестое, болталось здесь за неимением другого места и

было использовано очень кстати.

Таким образом, бабка была действительно надежно спрятана, хотя и не понимала за что.

Между тем директорша появилась с важным гостем. Ведя его, она говорила, уже успевши даже узнать его имя и отчество:

– Вы извините, Лука Фомич, но вы сориентируетесь сами, так как наша сотрудница, ведавшая этим отделом, как раз только что, может быть от мигрени, почувствовала себя неважно и ее отправили для исследования в поликлинику научных работников. И, разумеется, никто из других сотрудников в этот отдел допуска не имеет... Пожалуйста, – и директорша, открывши дверь спецхрана, пропустила туда гостя, передавая ему при этом его шпаргалку.

Гость перешагнул порог со шпаргалкой в руке и задумчиво остановился, оглядываясь вокруг сквозь очки в какой-то тонкой и чрезвычайно ценной металлической оправе. А директорша, стоя за порогом, делала ему ободряющие жесты. Он ступил еще два шага и опять остановился.

В этот момент за спиной директорши почувствовался какой-то настороженный шорох, какое-то нестройное движение или, может быть, переминание с ноги на ногу. Она оглянулась. Четыре сотрудницы стояли у полки с Анри Сарагоном и расширенными глазами глядели на переплеты полного собрания этого крупнейшего прозаика.

Три или четыре тома, составленные, кстати, в полном беспорядке, – кажется, четвертый, семнадцатый, пятьдесят второй и шестьдесят третий – как-то неестественно двигались. Вообще всякое самовольное движение литературы на библиотечной полке – вещь достаточно ненормальная. Но эти четыре тома двигались особенно странно и неестественно.

Директорша, уступая обычному импульсу, хотела разразиться во весь голос административным криком, но оглянулась на спецхран и смолчала.

– Что это такое? – спросила она шипящим шепотом.

Вдруг книжки перестали шевелиться. Воцарилась полная тишина. Сотрудницы вздрогнули и бросились к полке стеллажа. Все семьдесят три тома полного собрания поэтических сочинений Анри Сарагона в красных ледериновых переплетах стояли совершенно неподвижно.

Казалось бы, ничего в таком их состоянии не должно было бы внушать опытным библиотечным работникам никаких неприятных недоумений. Однако на деле было не так. Совершенная неподвижность книг привела в трепет не только четырех вполне осведомленных сотрудниц, но и едва только смутно предчувствующую что-то неладное директоршу.

Наиболее нервная из трех девочек кинулась к Сарагону и стала его выдергивать. Увы, за ним стояла грозная тишина.

Чтобы скорее покончить с этой тяжелой сценой, упомянем, что бабка за короткий срок своего пребывания на стеллаже успела неожиданно и совершенно умереть. Отчего это случилось, неизвестно. Может быть, просто от старости. Или от спертой атмосферы. Или от непривычного на работе горизонтального положения, которое, так сказать, само по себе в какой-то мере располагало к вышеозначенному.

Но так или иначе – факт произошел. Директорша всплеснула руками, не находя слов. Метнувши взгляд на осиротевший спецхран, она отметила, что высокий гость стоит все в той же задумчивой позе и как бы чего-то ожидая. Она рванулась было к порогу, но тут до нее дошел весь ужас случившегося.

– На тебе! – сказала директорша. – Подкосили.

И стала ломать руки. Мысленно она прекрасно понимала, что найти вторую неграмотную бабку при упомянутой поголовной ликвидации неграмотности было бы равносильно чуду.

Вот тут-то и наступает момент для неожиданной, но благополучной развязки, впрочем, вообще-то, вполне предугазанной всеми теми естественными требованиями, которые справедливо предъявляются равно как к литературе, так и к другим искусствам, включая прикладные и им подобные. Эта развязка сообщает данному рассказу именно то звучание, которое гармонирует с общей приподнятостью его направленности, резко отменяя ущербные, пессимистические, а также колеблющиеся платформы, чуждые поступательным шагам, и так далее, и тому подобное. Да, и важно отметить, что это благополучное окончание произошло не в силу каких-то мистических поворотов, каковым было бы, например, внезапное оживление бабки. Бабка, согласно с законами живой материи, осталась мертва и была вскоре препровождена в клинику научных работников для соответствующих исследований. События же с молниеносной быстротой развернулись так.

Во время переполоха ученый гость стоял по-прежнему посередине спецхрана, время от времени изменяя позу и безучастно поглядывая на свою шпаргалку, покрытую разнообразными надписями с наименованиями необходимой для его труда литературы. Два раза он пробовал обратить на себя внимание директорши, но она, обезумевшая от огорчения по поводу утраты почти незаменимого работника, даже на него махнула рукой. Наконец, несколько нахмурясь, он перешагнул порог и, тронув ее за плечо, настойчиво отвел в сторону. Директорша оторвалась от хлопот по укладке бабки на осовиахимовские носилки и сердито отошла с ним в эту сторону. Он сказал ей:

– Вот что, дорогуша, время у меня не терпит. Тут, знаешь, – он щелкнул пальцем по шпаргалке, – все честь по чести, мой Лев записал, что к чему. Так ты уж, это, сама и двигай.

– Какой Лев? – сказала озадаченная директорша, вопросительно оглядывая гостя. Но тот,

небрежно махнув рукой, отдал ей листки и добавил только: – Давай, давай!

Директорша посмотрела на листок, ровно покрытый крупными буквами чьего-то почерка. Затем вскинула глаза на высокого гостя. Гость добродушно улыбался. Директорша глядела на него все как-то пытливее, все как-то глубже... Их глаза встретились, и гость снова снисходительно хмыкнул. Взгляд же директорши светлел и становился все более каким-то лучезарным.

– Так вы, Лука Фомич, не это... – она дрожащей рукой поколебала листок, – не занимаетесь?...

– И без того у меня хватает, – весело сказал Лука Фомич, – ты уж займись сама, дорогуша.

Директорша вспыхнула и, бросившись к гостю, обняла его.

– И что, совсем? – спросила она, замирая. – Нисколечко?

– Вот непоседа какая, – снисходительно сказал гость. – Да говорят же тебе! Стал бы я тут с тобой чикаться!

– Так тебе ж у нас и быть! – вскрикивала директорша, продолжая быть тесно прижатой к гостю. – Так тебе ж и карты... И как доцент.. И к тому же это... Ну, приди, приди! – И она все крепче обнимала высокого гостя.

– Что ж не прийти, – улыбался Лука Фомич. – Посмотрим...

– Так приди же в мой кабинет, – сказала директорша каким-то полновзвучным торжественным голосом, – я тут сама пошурую.

И она уже готовилась, вопреки обычным нормам, перешагнуть порог спецхрана. А научный работник направился по коридору, разглядывая заинтересованным взглядом стеллажи и двери с надписями «Мужской туалет» и «Женский туалет». Директорша еще минуту любовалась им, но тут он вдруг повернул обратно и спросил ее шепотом:

– А где у вас тут, прошу прощения, мужской находится?

Директорша, у которой исчезла последняя тень сомнения, опять густо просияла и, взяв его за руку, довела до требуемого места.

– Здесь, дорогой! – сказала она, широко распахивая дверь.

Июнь 1962 г., окончен 15-16 июля 1962 г.

Здрасте, куда я звоню?

Было уже пять часов. Начиналось рабочее утро. Краснодеревщик Митрий приладил к станку рубанок и фуганок и принялся рубать и фугать. Золотые стружки сыпались на пол.

Митрий был плотный мужчина еще не старых лет. Однако седина окаймляла его гладкую небольшую лысину, какие свойственны неторопливым и бережным прозелитам, а также неофитам.

Митрий, как в масло, вливал режущий инструмент в теплое и даже золотое тело карельской березы с птичьим глазом и столь нежно и тонко выбирал в нем фалец, что оно как бы пело, наподобие сирены и страстно звучало, как какая-нибудь куртизанка под рукой старательного ментора.

Митрий был столяр высшего класса, а жил он в далекие времена Византицкой империи, при каких-то древнейших Палеологах. Это были столь отдаленные времена, что даже трудно сказать, как именовалась тогда обширная забалканская держава. Была ли она действительно Византицкой или, может быть, Византичной?... Во всяком случае в те времена она была в известной мере единственной и даже неповторимой.

С другой стороны, этот маленький исторический экскурс и не очень обязателен, так как собственно на жизнь Митрия географические и исторические ситуации никакого особенного влияния не имели. Так что упоминаем здесь о его местожительстве более для округленной точности и из художественной взыскательности, чем по существу.

Сделавши после шестичасовой стружки маленький перерыв, Митрий позавтракал репой и салатом, выпил, как это было принято в ту эпоху, стакан воды с разведенным в ней виноградным соком, вытер рот тыльной стороной своей плотной неторопливой руки и принялся опять фугать.

Солнце стояло высоко в небе. Золотые пчелы опускались и поднимались, волнуя чашечки жасмина в палисаднике. Натертые воском доски мягко лоснились, сложенные в аккуратный штабелек.

Затем он стал изобретать затейливый орнамент, которым следовало окаймить спинку кресла. Четыре ножки в форме львиных лапок, уже изготовленные для связи в шап, в зуб и в обло, с наложенной на них царгой для мягкой эпикурии, как тогда называлось сиденье, а также гнутые поручни с изящными вольтами – все это было уже готово и разносило по мастерской вязкий и тугой аромат столярного клея. Дело было за спинкой.

И, сдерживая возбужденную неторопливость мастера, торжествующий Митрий внутренне уже просматривал общую гармонию изящного и вместе с тем величественного кресла.

Проработавши еще шесть часов, мастер снова принудил себя – что было заранее определено, размерено и необходимо – к получасовому отдыху. Он вытер лоб и лысину клетчатым

платком, опустился в углу на полосатый домотканый коврик, закусил и сделал маленький перекур.

Вода мягко булькала в кальяне. За окном последние пчелы, тихонько жужжа, отлетали от цветов жасмина. Издали, из города, доносилось ржание коней, треск ломаемых колесниц и радостные возгласы народа.

С нетерпением дождавшись конца положенного отдыха, Митрий сладостно размялся и вернулся к работе. Спинка кресла уже возвышалась над эпикурией, плавно переходя в изящные подлокотники.

Солнце склонялось, наступала тихая забалканская ночь. Митрий засветил светильник. Масляный огонек поблуждал по фитилю и озарил мастерскую желтым, как мед, трепетным светом. Но однако ж на верстаке сиял полдень. Митрий еще и еще раз просматривал полировку. И уже не столько притираниями и легким терпентиновым массажем посредством бархаток и щеточек, сколько дыханием мастера оживлял он ее и кое-где матово теплил, а где нужно – разжигал до торжественного горения.

В общем, кресло было давно готово. Но так сразу отойти от него, конечно, было не просто. Митрий требовательно расхаживал вокруг, оглядывал, как стыдливую, но страстную рабыню на рынке оглядывает все тот же опытный ментор и цензор.

Ничего не поделаешь, кресло было безукоризненно. Приходилось идти спать. Пчелы не только давно уже спали, но даже, очевидно, во сне уже готовились к новому трудовому дню.

Митрий проснулся рано. Очень интересно было в новом солнечном свете оглядеть ночную работу. Да, кресло было великолепно!

Митрий повез его сдавать заказчику.

Перед входом загородной виллы господаря Нутрия стояли лениво дремлющие драбанты со своими щитами и секирами. Поручив им ослика, Митрий собственноручно взнес кресло по ступенькам и, осторожно поставив его в прихожей, присел на корточки рядом и стал ожидать.

Во внутренних покоях была тишина. Очевидно, господарь Нутрий еще завтракал. Но вот Митрия кликнули. Дверь широко растворилась, и он втащил кресло в атрий.

Нутрий сидел в глубине и омывал руки розовой водой. Потом он встал и подошел к креслу.

– Тэк-с, – сказал он, – ага! Это кресло!

– Кресло, – радостно подтвердил Митрий.

– Что ж, ничего, – сказал Нутрий, – ничего...

Он присел, пробуя, мягка ли эпикурия.

– Мягко, – сказал он. – А это что обозначает? – спросил Нутрий, рассматривая орнамент на спинке.

– Это калиты и капторги, – радостно объяснил Митрий, – символ богатства и процветания.

– А эти вот штучки? – снова спросил Нутрий.

– А это коники, – сказал довольный Митрий. – Это как, знаете ли, гремящие подвески, символ радуги, дождя и тучных стад.

– Хорошо, – вздохнул Нутрий, – очень здорово. Немножко неясно, но ничего, подходяще. А эти вот штуковины?

– А это пчелы Персефоны, – сказал улыбаясь Митрий.

– Тоже символ?

– Символ! А как же! – подтвердил Митрий.

– М-да... – протянул Нутрий. – Ну что ж... Ножки как будто коротковаты, подлокотники как-то выгнуты... Спинка вроде блестит... Но в общем недурно... Ребята, – кликнул он в открытую дверь.

Драбанты вбежали со своими щитами и секирами.

– Давай, ребята, – сказал Нутрий, – руби!

Драбанты взмахнули секирами и начали рубить кресло. Митрий отошел в сторонку, чтобы не задело щепой, и стал ожидать.

– Уберите это, – приказал Нутрий, указывая на мусор, – Ну, валяй, – обратился он к Митрию, – двигай.

– В том же стиле? – спросил Митрий. – Или, может, что-нибудь новое, в духе неоплатоников?

– Да как хочешь, можно и неоплатоников, – ответил Нутрий.

Митрий откланялся, сел на ослика и неспешно отправился домой. Он сдерживал себя, заставляя подышать чистым забалканским воздухом, а уже творческая лихорадка разжигала его. Его внутреннему взору представлялось новое неоплатоническое кресло с плоской эпикурией и строгим орнаментом из кивориев и акваманилов.

Спрыгнув с ослика, он вошел в мастерскую и, потирая руки, принялся налаживать верстак.

– Вот так и живем, – думал он, радостно улыбаясь.

- Вот так и живем, – думал он, радостно улыбаясь.
- Вот так и живем, – думал он, радостно улыбаясь.
- Вот так и живем, – думал он, радостно улыбаясь.

Непонятно только, что за странное название у этого исторического очерка – «Здрасте, куда я звоню?». А это можно просто и легко объяснить. Автор никак не мог придумать названия всему этому. Сидел и думал. А тут раздался телефонный звонок, и одна знакомая дама начала разговор именно этой фразой: «Здрасте, куда я звоню?».

Да, не те стали нравы, что когда-то в древние византичные времена: нет той безмятежной неколебимости.

19 июля 1964 г., Ленинград

Ричард Глостер

Ленинск на Волге - городишко как раз в том самом месте, где несколько прежде стоял Сарай Берке или ещё другая ставка Золотой Орды, что ли, что-то такое. А у нас там недалеко были лагеря для осужденных по разным статьям и в пятьдесят третьем году меня сюда и

прислали в качестве члена комиссии по амнистии. Мы амнистировали заключенных, как было предписано. В комиссию же меня назначили, как я позднее узнал, по тем соображениям, что я читал быстро. А то там и не уберешься со всеми, если читать неторопливо «в Па-ри-же» и тому подобное, как обычно в подобных ведомствах. Слишком материалов было много.

Вот закончили мы в основном эту работу, массу народу амнистировали, но всех амнистировать было нельзя, и в частности осталась там в качестве заключенной тетя Сима, женщина энергичная и бойкая, которая уже давно была старостой в женском отделении и даже не подлежала охране. Осталась там всего с восемью дамами, которых тоже не отпускали. И однажды, прибывши ко мне, изложила она два своих соображения, так как собственно они были тесно сплетены. Это были подозрение и просьба.

Подозрение у неё возникло на одного человека. Человек этот жил в Ленинске и был он директором местного отделения Госбанка, звали его Федор Иванович Зотиков. Подозрение вышло вот почему. Тетя Сима вообще хорошо знала свой народ. Во-первых, это была дама с высшим экономическим образованием, где-то в Днепропетровске кончила. Как будет ясно из последующего, она и вообще не только не пропала, но даже в дальнейшем умудрилась какую-то ученую степень получить, но пока она ещё пребывала в качестве старосты заключенных в вышеназванном лагере № 87341, женское отделение 32 и так далее.

Пребывала она здесь потому, что в бытность в Днепропетровске застряла там, сидела при немцах и сотрудничала с врагом, то есть, если прямо говорить, была она вроде директриссы веселого дома, который конечно посещался черт знает там каким-то обергруппенфюрером, так чего-то делать было надо, то есть жить надо, ну старая известная песня, а может быть бабенка по подлости и действительно вошла во вкус и хотела подработать на этом деле.

Но речь не о том. А среди её восьми подопечных осталась одна по имени Тоня. Тетя Сима и пришла за неё просить. Тоня тоже оставалась при немцах в том же в Днепропетровске, но было ей тогда не то тринадцать, не то четырнадцать лет, сирота. Когда же город был освобожден, то она кончила как-то ещё два или три класса. А потом подалась на Волгу к какой-то знакомой Татьяне, мыкалась в поисках работы и наконец таки пристроилась в Ленинском отделении Госбанка, конечно, машинисткой.

Начальствовал же Ленинским госбанком Федор Иванович Зотиков, который был горбуном. Этот Зотиков, хотя и горбатый, очень щекотливо относился к женскому персоналу, то есть если молоденькая и хорошенькая. Любил, одним словом, бабу пощупать и тому подобное. И именно с этим он и отнесся к нашей Тоне. Но в виду того, что, как сказано и горбатый он был, и хайло было у него довольно страшное, и рот синий и так далее, или потому что Тоня была привередливая, но так или иначе она его оттолкнула и, очевидно, даже не достаточно деликатно. Попытки он ещё возобновлял, но результата не было, тогда однажды в сердцах он ей пригрозил, что вычистит её из учреждения. Но, как ни странно, и этим не взял, так как у неё уже завелся в городе блаток и возникли кое-какие надежды. На том дело и кончилось.

Но никаким её надеждам не суждено было реализоваться, так как однажды Тоню забрали и

после соответствующих небольших процедур очутилась она в лагере, и насколько она разобрала, обвинение было в том, что дескать она в Днепропетровске сотрудничала с врагом, то есть была любовницей одного или там двух, что уже роли не играет, каких-то немецких гауляйтеров, и вообще пила с ними по блядкам. Вот тут-то, когда, слово за словом, тетя Сима узнала об этом, она сильно удивилась, так как город не так уж велик, а в этой самой своей сфере с этой Тоней она ни разу не встречалась. Тогда совершила она кое-какие разведывательные шаги, о которых мне подробно не распространялась, может быть не желая выдавать сообщника, может быть в качестве старосты, да притом дамы ещё отнюдь не потерявшей женской формы, она как-то успела склонить к себе кого-нибудь из начальства, и снисходя к её просьбе ей было уточнено кое-что из материалов обвинения.

Так или иначе, она сказала, что дескать в деле у Тони есть во-первых, чей-то донос, а во-вторых фигурирует какая-то фотография. И напоследок ещё высказала догадку, что донос настропал этот сучий горбун, так как больше, вроде, некому. На этом она и откланялась. А я, заинтересованный этим делом, как говорится поднял документы.

Собственно, поднимать там было отчасти нечего, хотя вроде материалу было много. Но большей частью всё допросы и тому подобное. А суть была вот в чем. Действительно, сообщено было начальником спецотдела Ленинского отделения Госбанка и скреплено подписью директора госбанка Зотикова, что вышеозначенная Антонина Андреевна Егоркина сотрудничала с врагом в формах личной связи с офицерами оккупационных войск, в том числе с нацистами и эсесовцами, что и свидетельствовалось рапортом. И кроме этого документа, действительно было фото. Фото было размером 9X12, любительское. Снято было веселое общество в какой-то комнате. Действительно, какие-то военные со значками СС, ещё кто-то и две какие-то девченки в кудрях, с декольте, выпивши и так далее. А на поле подпись, подпись подчеркнута и от черты прямо изогнута строчка и указывает на одну из женских фигур. А подписано «Антонина Егоркина». Ну, разумеется, какая там Антонина или ещё кто-то – ни черта не разобрать.

Любопытно мне показалось всё это. Однако чуть было не забыл, но случайно вспомнил и как-то тоже невзначай рассказал об этом шефу. Шеф этот, по фамилии Воробьев, был человек крупный и известный. Вышел из средней руки простых чекистов, затем получил образование – юридический факультет окончил в Москве. Пристрастие к латинской литературе у него осталось, длинными кусками цитировал разные крупные имена. А затем вышел в большие фигуры и вот теперь возглавлял эту комиссию.

Он заинтересовался моим коротким рассказом и как-то получилось, что затребовал бумаги. Взглянувши на фото, он как-то на секунду остановился, как будто задумался. Даже взгляд куда-то вверх уставил. А потом говорит: - «Вот интересно, что-то знакомое фото. Где же это такое я его видел?» - Минуточку, сейчас проверим. И оказалось следующее.

В четырех лагерях после двухдневной проверки были обнаружены такие же фото с того же негатива и в каждом были стрелочки, указывавшие на одну и ту же женскую фигуру (вторая дама, та что на переднем плане, была толстая дама, сидела почти затылком, видна была

часть профиля и по возрасту не меньше тянула, чем на тридцать пять) в глубине снимка. Только подписи были разные. На первой вместо Егоркиной стояло Лычко Вера Трофимовна, на второй Смоленинова Валя, а на третьей – Тамара Ивановна Белкина. Таковые действительно имелись, все они были рассредоточены в разных участках ближних лагерей и на каждую имелось дело с обвинением в сотрудничестве с врагом и приложением соответствующего фото.

Всюду была и подпись этого нашего горбунка Ивановича Зотикова. Да тут ещё при жестком свете тети Симиной информации его страстная до дам натура делалась абсолютно ясной. В процессе всех этих выяснений уже кое-кто из, конечно, сотрудников и членов комиссии был посвящен во все эти дела. Руками разводили, впрочем не очень, головами тоже мало качали, так, разве иногда.

Воробьев распорядился доставить немедленно из Ленинска Федора Ивановича Зотикова. Поручено это было троим ребятам. Им для этого выдали вездеход, вездеход был у нас ужасно мощный, 12 скоростей. Узнавши о задании, эти трое были в каком-то странно приподнятом настроении. А Тизерев, шофер, сказал даже по входе – «С нашим удовольствием!», чего и не требовалось, и кто-то дернул плечем не по форме.

Словом, при тогдашней распутице, говорят, что Зотиков всю дорогу бежал за вездеходом на веревке. Кто знает, я лично в этом, конечно, не уверен, но то, что ему раза три, как минимум, останавливались и били морду, это, пожалуй, безусловно. Во всяком случае, доставлен он был в самом ужасном виде и облеплен грязью так, что на его-то фотографию можно было бы написать что душе угодно. Разговор у Воробьева был мало приметный, чисто служебный и в сдержанных тонах. В общем, этот Воробьев дал распоряжение выпустить всех четырех девченок – Веру, Валю, Тамару и Тоню. Вот, собственно и вся история.

Позже я узнал, что во-первых Воробьев получил взыскание по партийной линии за самоуправство, впрочем не очень серьезное. Решение же его оставили в силе.

Тетя Сима обнаружила через сколько-то там лет, когда в наших местах работала археологическая экспедиция – какие-то черепа нашли, такое рвение и артистизм, что её как-то выскребли, а затем, имея на руках диплом, она, глядь-поглядь, и диссертацию какую-то настрочила.

А Зотикова сняли с директоров и перевели в другой город, тоже по финансовой части.

Декабрь 1961 г.

Комментарий

Павел Яковлевич Зальцман (1912-1985) – художник и писатель, который, к сожалению, пришел к нам очень поздно, спустя много лет после смерти.

Вдруг в 2012 году появилась книга его стихов (Павел Зальцман. Сигналы Страшного суда. М.: Водолей, 2011) с пугающе-правдивыми текстами о жизни – в частности в блокадном Ленинграде:

Презреннейшие твари
В награбленных шелках
По подвалам куховарят
На высоких каблуках.

Эти твари красят губы
Над коровьим языком,
Их невысохшие груди

Набухают молоком. <...>

Нас томит у их порога
Страшный запах каши,
Мы клянем себя и Бога,
И просим, просим кушать. <...>

В том же 2012-м впервые были опубликованы «Щенки» Павла Зальцмана – роман о гражданской войне в России, увиденной глазами животных. И очень скоро Олег Юрьев, писатель, поэт и литературовед, живущий во Франкфурте-на-Майне, написал, что роман этот радикально меняет представления об истории русской литературы, поскольку его автор принадлежит к неизвестному до недавнего времени «последнему поколению русского литературного модернизма» (Олег Юрьев. Писатель как сотоварищ по выживанию. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2014).

Но что значит это употребленное выше словечко «вдруг»?

Павел Зальцман, преданный ученик Павла Филонова и человек, лично знавший Даниила Хармса, прекрасно понимал, что в официальную культуру сталинской и постсталинской России он вписаться не может. Он писал «в стол», показывая свои тексты только самым близким людям – дочери Елене Павловне Зальцман и ее мужу, Алексею Зусмановичу, еще кому-то из их молодых друзей. Работал же как художник кино, на киностудии «Казахфильм», поскольку после войны попал в Алма-Ату, долго не мог оттуда уехать (как сын российского немца находился там под надзором), а потом уже и не хотел. И вся его жизнь была каждодневной борьбой за возможность продолжения творчества, как можно понять из опубликованных в этом году дневников, например, из записи от 5 апреля 1941 года:

Я не имею времени для того, чтобы писать или читать. <...> Я продал свое время, а если б я этого не делал, я умирал бы с голоду. <...> Вот в чем состоит одно из важнейших событий первой половины <нашего века>. Оно повторяется каждый день. Я встаю, думая о поспешности или о какой-нибудь другой пустоте. Я ем и собираю вещи. Я еду на киностудию и влезаю, вынужденный к этому, в шкуру низшего разряда, на какой я способен.

Или из такой, более поздней:

Вовсе не обязательно, то есть не именно сегодня (сегодня 1954 г., это воскресенье), а уже давно я склоняюсь, что есть постоянный враг. Как враг червяк человеку. Например, постоянно – это радио. Он управляет всякими вошками-людишками. <...> Это то, что мешает думать тем немногим, которые к этому призваны.

Уже после перестройки дочь и зять Зальцмана занялись расшифровкой «Щенков» (второй и последний роман, «Среднюю Азию в Средние века», дочь успела перепечатать на машинке, со слов отца, еще при его жизни) и попытались, сперва собственными силами, опубликовать рассказы. Публикуемые в этой подборке рассказы «Галоши», «Спецхран», «Здрасте, куда я

звоню» вошли в ту первую книгу, «Мадам Ф. Повести, рассказы, стихи» (Ли́ра, 2003), изданную близкими Зальцмана на собственные средства и фактически «пропавшую без вести». Последний рассказ, «Ричард Глостер», публикуется впервые.

Со времени того «вдруг», с 2012 года, многое изменилось. «Щенки» в этом году в России вышли уже третьим изданием, в издательстве «Водолей» (текст подготовлен Ильей Кукуем), в 2016 году появился их немецкий перевод (Die Welpen. B.: Matthes & Seitz, 2016; перевод Кристианы Кёрнер). Некоторые стихи были переведены на английский и включены в подготовленную Полиной Барсковой книгу «Написанное в темноте. Пять поэтов в блокадном Ленинграде» (Written in the Dark. Five Poets in the Siege of Leningrad. Brooklyn 2016).

Опубликована книга дневников (Павел Зальцман. Осколки разбитого вдребезги. Дневники и воспоминания 1925-1955. М.: Водолей, 2017; под ред. Ильи Кукуя). Готовится к печати роман «Средняя Азия в Средние века». Появлялись и книги, дающие представление о творчестве Зальцмана как художника (Павел Зальцман. Жизнь и творчество. Иерусалим: Филобиблон, 2007; альбомы Павел Зальцман. Алматы, 2012, и Иллюстрация времени. Графические фантазии Павла Зальцмана. М.: Галерея «Г.О.С.Т.», 2008). Все это стало возможным благодаря конкретным людям, заинтересовавшимся наследием Павла Зальцмана и вложившим много труда в его публикацию.

И все же хотелось бы, чтобы жизнь текстов Павла Зальцмана продолжалась, как должна продолжаться жизнь книг – чтобы о них думали и говорили, – а такой диалог пока только едва начался.

Татьяна Баскакова

